

Милль Джон Стюарт

Утилитарианизм

О свободе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Стюарт М.**
Утилитарианизм: О свободе / Милль Джон Стюарт – М.: Книга по Требованию,
2022. – 434 с.

ISBN 978-5-519-96535-4

ISBN 978-5-519-96535-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тѣхъ же областяхъ мышленія, какъ и онъ, рядомъ съ оригинальными мыслями, впервые высказанными имъ и представляющими несомнѣнно прочное и цѣнное приобрѣтеніе для общественнаго сознанія, у него можно найти и такіе взгляды, состоятельность которыхъ подлежитъ сильному сомнѣнію. При всей своей органической, такъ сказать, антипатіи ко всему шаблонному, заѣзженному и отзывающему общимъ мѣстомъ, Милль не всегда успѣвалъ освободиться изъ подъ вліянія традиціонныхъ взглядовъ на столько, на сколько это было бы нужно въ интересахъ искомой имъ истины. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ европеецъ и при томъ какъ англичанинъ, стоялъ въ особенныхъ условіяхъ, которыя у насъ, русскихъ, обыкновенно слишкомъ мало принимаются въ расчетъ при оцѣнкѣ различныхъ дѣятелей западно-европейской жизни, вслѣдствіе чего и самая оцѣнка наша грѣшитъ то какою-то ребяческою заносчивостью, то молчалинскимъ низкопоклонствомъ, дѣлая насъ неспособными разобраться въ разнообразныхъ и сложныхъ результатахъ западно-европейскаго мышленія, отличить въ нихъ положительныя стороны отъ отрицательныхъ, усвоить себѣ первыя и предохранить себя отъ вторыхъ. Дѣло въ томъ, что Милль, какъ и всякій другой европейскій мыслитель, имѣлъ позади себя традицію долгой исторической жизни; подобная традиція не устанавливается искусственно тамъ, гдѣ нѣтъ на лицо данныхъ, которыя заставляли бы людей дорожить прошлымъ и придавали бы этому прошлому живучесть и эластичность въ приспособленіи къ измѣняющимся требованіямъ времени. Но за то тамъ, гдѣ эти данныя имѣются на лицо, связь преемственности между прошлымъ и настоящимъ устанавливается сама собою. Самый смѣлый и послѣдовательный новаторъ не такъ-то легко выкидывается за бортъ грузъ традицій, въ которомъ, какъ онъ очень хорошо знаетъ, негодное или переставшее быть годнымъ бываетъ перемѣшано съ богатымъ достояніемъ, сохраняющимъ свою цѣнность во всѣ вѣка; самый критическій умъ останавливается передъ тѣми или другими гланими,

подъ вліяніемъ чувствъ и привычекъ, воспринятыхъ съ дѣтства и, быть можетъ, унаслѣдованныхъ отъ длиннаго ряда родичей. Трудно сказать, что перевѣшиваетъ въ этихъ особенностяхъ западно-европейскаго склада жизни,—сопряженные-ли съ нимъ преимущества или неудобства; по всѣмъ вѣроятіямъ, отношеніе между тѣми и другими мѣняется въ каждомъ данномъ случаѣ, смотря по личности. Какъ бы то ни было, несомѣнно то, что въ указанныхъ нами особенностяхъ существуетъ какъ обратная, такъ и лицевая сторона. Западно-европейскій мыслитель или дѣятель не имѣетъ надобности начинать свою работу ab ovo, онъ можетъ вести ее, опираясь на то, что уже создано предшествовавшими поколѣніями въ дѣлѣ культурнаго, гражданскаго и научнаго преуспѣянія; онъ почерпаетъ бодрость въ примѣрѣ предшествовавшихъ дѣятелей въ той поддержкѣ, которую всякій плодотворный починъ въ концѣ концовъ находитъ среди общества, издавна привыкшаго мыслить, дѣйствовать и жить полною, разностороннею жизнью. Онъ въ значительной степени избавленъ отъ той непроизводительной затраты силъ, на которую неизбежно обречена личность, поставленная въ необходимости создавать собственными единичными усиліями всѣ внѣшнія и внутреннія условія, безъ которыхъ никакой плодотворный трудъ не мыслимъ. Все это, безспорно, составляетъ преимущество положенія западнаго мыслителя. Но съ другой стороны въ этихъ условіяхъ, способствующихъ спороности его труда, есть такъ же много подкупающаго и мѣшающаго строгому безпристрастію критической оцѣнки. Онъ слишкомъ много обязанъ традиціямъ своего культурнаго историческаго прошлаго, чтобы не относиться къ нимъ съ сыновнею почтительностію, неумѣстно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о строгомъ, нелицепріятномъ изслѣдованіи истины. Тамъ, гдѣ нагота ихъ неприглядна, онъ инстинктивно или сознательно отворачивается и спѣшитъ набросить на нее покрывало; окружающая его среда представляетъ не инертную, безформенную массу, напротивъ въ этой живой и дѣятельной средѣ, гдѣ люди привыкли издавна ставить себѣ опре-

дѣленные цѣли и стремиться къ нимъ дружнымъ и выдержаннымъ усиліемъ, самые предразсудки отличаются стойкостью и уступаютъ напору новыхъ истинъ не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы относительно ихъ была соблюдена извѣстная, болѣе или менѣе сложная, форменная процедура. Считаться съ этимъ требованіемъ почти обязательно, а между тѣмъ оговорки, дѣлаемые въ угоду ему, слишкомъ легко превращаются изъ условныхъ формъ вѣжливости въ нечто, затемняющее или извращающее смыслъ тѣхъ истинъ, которыя имѣются въ виду провести подъ этими вѣжливыми и безобидными формами. Хотя Милль по личнымъ своимъ наклонностямъ несравненно менѣе большинства своихъ соотечественниковъ расположенъ былъ подчиняться принятымъ условнымъ формуламъ и весьма энергично возставалъ противъ тираніи установившихся традиціонныхъ взглядовъ, представляющей оборотную сторону того, что въ Англіи называется общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ не менѣе и онъ не могъ, конечно, освободиться вполне отъ вышеуказанныхъ вліяній; каждый шагъ, который онъ дѣлалъ на пути къ этому освобожденію, требовалъ отъ него болѣе напряженныхъ усилій воли и сознанія, чѣмъ тѣ, какими обставлено исканіе истины для мысли, не смущаемой, по выраженію поэта, ни „безплодными воспоминаніями“, ни „напраснымъ разладомъ“. Въ теченіе его жизни взгляды его по различнымъ вопросамъ измѣнялись подъ вліяніемъ размысленія и внѣшнихъ обстоятельствъ, но замѣчательно то, что измѣненіе это происходило не въ томъ порядкѣ, который многими считается какимъ-то предустановленнымъ и непреложнымъ закономъ человѣческаго развитія. Какъ извѣстно, по этому ходячему взгляду, особенно распространенному у насъ, русскихъ, человѣку положенъ извѣстный предѣлъ возраста, до котораго ему естественно и позволительно измѣнять свои мнѣнія въ прогрессивномъ направленіи: затѣмъ, когда настаетъ зрѣлый возрастъ, считается столь-же естественнымъ и даже въ нѣкоторомъ родѣ обязательнымъ для человѣка убѣждаться въ несостоятельности направленія усвоеннаго имъ

во время минувшаго Sturm und Drang-Periode, и проникаться уваженіемъ и сочувствіемъ къ тѣмъ самымъ взглядамъ, которые были легкомысленно отвергнуты имъ, какъ отжившіе и несостоятельные; предполагается, что нарастающій запасъ жизненнаго опыта и окрѣпшая, достигшая полной зрѣлости способность мышленія непременно должны тянуть человѣка подъ гору, а въ гору онъ можетъ подниматься только на легкѣ, пока его знаніе жизненныхъ фактовъ ограничено, мысли не установились и разумъ не успѣлъ упорядочить броженіе молодыхъ силъ. Жизнь Милля плохо подтверждаетъ эту теорію. Въ различныхъ фазисахъ развитія, черезъ которые проходила его мысль, мы замѣчаемъ непрерывное движеніе впередъ, не замедляющееся и не останавливающееся вплоть до самой его смерти; суховатый и нѣсколько педантичный раціонализмъ, усвоенный имъ отъ отца и отъ кружка бентамистовъ, среди котораго онъ провелъ свою молодость, смѣняется болѣе человѣчнымъ и широкимъ міросозерцаніемъ, въ которомъ онъ, оставаясь вѣренъ первоначальному направленію, данному его мысли въ юности, по сколько направленіе это представляло дѣйствительно плодотворное и могучее движеніе мысли впередъ, удѣляетъ мѣсто соображеніямъ и факторамъ, упущеннаго изъ виду первыми провозвѣстниками Бентамовскихъ теорій. Въ политико-экономическихъ его воззрѣніяхъ мы видимъ аналогичную перемѣну: третье изданіе его политической экономіи на столько разнилось отъ перваго изданія, что приверженцы правотворной политико-экономической школы видѣли въ немъ почти перебѣжчика изъ ихъ лагеря. Наконецъ, уже подъ старость онъ становится на сторону движенія, которое даже среди радикаловъ англійскаго парламента имѣло мало искреннихъ приверженцевъ,—мы разумѣемъ аграрное движеніе, въ Англій выразившееся въ возникновеніи союза сельскихъ рабочихъ подъ предводительствомъ Арчера и въ отстаиваніи такъ называемыхъ common lands, представляющихъ остатки до-феодальнаго общиннаго землевладѣнія, отъ захватовъ частнымъ землевладѣніемъ, узаконяемыхъ парламентскими

постановленіями. Послѣдняя, предсмертная статья, вышедшая изъ подъ пера Милля и посвященная разбору замѣчательныхъ изслѣдованій Мэна о земельной общинѣ въ Остѣ-Индіи, была въ сущности горячею защитою этой формы землевладѣнія противъ тѣхъ феодальныхъ взглядовъ, которые, подъ прикрытіемъ болѣе новомодныхъ юридическихъ и экономическихъ теорій, до такой степени проникаютъ ходячія мнѣнія, принятыя въ рядахъ респектебельной части англійскаго общества, что дѣлаютъ людей даже неспособными понять существованіе поземельныхъ отношеній, построенныхъ на принципѣ общиннаго, а не частнаго землевладѣнія. Если мы вспомнимъ, что ученые и добросовѣстные англійскіе юристы, искренно желавшіе избѣгнуть всякой ломки бытовыхъ особенностей, найденныхъ ими въ Остѣ-Индіи, въ безъисходномъ недоразумѣніи остановились передъ Остѣ-Индскою сельскою общиною и послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ того лица, которому бы принадлежала бы эта земля, порѣшили, что она, должно быть, принадлежитъ чиновникамъ, жившимъ въ селеніяхъ для сбора податей въ пользу туземныхъ государей.—если мы вспомнимъ это, то для насъ станетъ понятно, что Милль дѣйствительно долженъ былъ сохранить до самой смерти своей много свѣжести и энергіи умственнаго почина, если онъ, уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ, былъ способенъ стать въ этомъ вопросѣ на точку зрѣнія, предполагающую полную отрѣшенность отъ принятыхъ, традиціонныхъ взглядовъ. Такая свѣжесть и энергія, не ослабѣвающая съ годами, вовсе не представляетъ исключительное явленіе на Западѣ Европы, и можно-бы было перечислить цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей на различныхъ поприщахъ, которые до глубокой старости продолжали сами идти впередъ и вести за собою другихъ. Силы, отпущенныя человѣку природою, гораздо эластичнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и о возможностяхъ, заключающихся въ его природѣ, нельзя судить по тѣмъ результатамъ, которые послѣдняя даетъ, будучи поставлена въ извѣстныя условія. Силы, лишенныя

благопріятныхъ условій для проявленія во внѣшней дѣятельности, ржавѣютъ въ бездѣйствіи; тамъ гдѣ жизнь вдвигаетъ все разнообразіе наличныхъ способностей въ общество въ тѣсное русло, тамъ ростъ ихъ естественно останавливается прежде срока и значительная доля возможностей остается безъ осуществленія. Но съ другой стороны, чѣмъ болѣе внѣшнія условія облегчаютъ человѣку возможность проявлять свои силы во внѣшней дѣятельности, чѣмъ болѣе окружающая среда представляетъ выходовъ для способностей, тѣмъ значительнѣе становится въ обществѣ и запасъ потенціальной энергіи. Складъ западно-европейской жизни еще далеко не достигъ всего, что было-бы желательно и возможно въ этомъ отношеніи, но все-же духовная живучесть западно-европейскихъ дѣятелей и продолжительность производительнаго періода ихъ жизни объясняется ничѣмъ инымъ, какъ тѣми вліяніями, которыя научили западно-европейскія общества дорожить силами и способностями личности, какъ лучшимъ своимъ богатствомъ, и радушно встрѣчать починъ въ сферѣ идей, какъ самое драгоценное для себя пріобрѣтеніе. Помимо этихъ общихъ условій, указанная нами черта въ жизни Милля объясняется еще личною особенностью его ума и характера, которую онъ самъ выразилъ въ предисловіи къ своей автобіографіи въ слѣдующихъ скромныхъ и полныхъ достоинства словахъ: „Мнѣ казалось, что въ нашу переходную эпоху мнѣній не лишено интереса и пользы изслѣдованіе постепенныхъ фазисовъ въ развитіи какого либо ума, *всегда стремившагося впередъ, одинаково готового научиться и разучиться какъ въ тѣхъ идеяхъ, которыя принадлежатъ ему лично, такъ и въ тѣхъ, которыя заимствованы имъ отъ другихъ*“.

Условія при которыхъ умъ и характеръ Милля получили первоначальный свой закалъ въ дѣтствѣ и ранней юности, представляли такое странное сочетаніе благопріятныхъ и неблагопріятныхъ сторонъ, какое не часто встрѣчается въ жизни. Самъ Милль въ своей автобіографіи говоритъ, что колеблется рѣшить, чего больше принесло ему воспитаніе,—

пользы или вреда. Когда исторія этого, во всякомъ случаѣ, своеобразнаго воспитанія стала доступною для читающей публики, какъ у насъ, такъ и за границей, общее вниманіе преимущественно остановилось на его чертѣ, именно на той почти невѣроятной массѣ знаній, которую Джемсъ Милль считалъ нужнымъ передать своему сыну, начиная съ самаго ранняго дѣтства. Мальчикъ самъ не помнитъ, когда онъ началъ учиться греческому языку и только отъ другихъ слышалъ, что ему въ то время было три года; между восемью и двѣнадцатью годами онъ успѣваетъ „основательно“ пройти элементарную алгебру и геометрію, и вызываетъ досаду своего отца тѣмъ, что не можетъ осилить безъ посторонней помощи дифференціальныя исчисленія и другіе отдѣлы высшей математики. Списокъ книгъ прочтенныхъ и изученныхъ имъ за это же время способенъ пристыдить своего обширностью, а такъ же разнообразіемъ и серіозностью своего содержанія, любого студента средней руки; естественныя науки служатъ ему лишь пріятнымъ развлеченіемъ въ промежутки отдыха отъ другихъ занятій. Когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, отецъ находитъ, что пора подняться „на новую высшую ступень обученія“. Настаетъ очередь логики и политической экономіи; логика изучается по Органону, отъ котораго мальчикъ переходитъ къ латинскимъ схоластикамъ, а отъ нихъ къ Гобсу; при изученіи политической экономіи работы Рикардо по теоріи ренты и о денежныхъ знакахъ дополняются изустнымъ изложеніемъ отца по другимъ отдѣламъ науки. Записки, въ которыхъ самъ мальчикъ долженъ излагать содержаніе этихъ уроковъ, исправляя ихъ до полной ясности и опредѣленности выраженія, служатъ потомъ Джемсу Миллю матеріаломъ для его книги: „Основы политической экономіи“. „Адамъ Смитъ“ оказывается, по мнѣнію отца, слишкомъ поверхностнымъ и онъ требуетъ, чтобы мальчикъ самъ примѣнялъ къ этимъ поверхностнымъ взглядамъ „болѣе глубокія воззрѣнія“ Рикардо, отыскивая все ложное въ доводахъ Смита и все невѣрное въ его выводахъ. И это на тринадцатомъ году. Че-

тырнадцати лѣтъ мальчикъ заканчиваетъ учебныя классныя занятія и съ удивленіемъ впервые слышитъ отъ отца, что онъ знаетъ болѣе другихъ молодыхъ людей, считающихся хорошо образованными. Если бы всѣ эти изумительныя подробности не были приведены самимъ Миллемъ въ его автобіографіи, тонъ которой, дышащій глубокой искренностью, строгою правдивостью и благородною простотою, исключаетъ всякую мысль о хвастовствѣ или преувеличеніи, то ихъ можно бы было счесть просто за баснословіе. Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что подобные факты привлекли на себя общее вниманіе и что на нихъ преимущественно вращались толки, возбужденные автобіографіей Милля вслѣдъ за ея появленіемъ; къ тому же съ перваго взгляда особенности домашняго образованія, даннаго Джемсомъ Миллемъ его сыну, коренились въ томъ же началѣ, которое по общему признанію, составляетъ больное мѣсто школьнаго образованія какъ у насъ, такъ и за границей, и представляли чрезвычайно рельефный примѣръ того многоученія, о вредѣ котораго уже столько разъ твердили міру. Разсказъ Милля о его дѣтствѣ далъ новый поводъ повторить всѣ тѣ разсужденія на эту тѣму, которыя давно уже успѣли сдѣлаться общимъ мѣстомъ. Одинъ „солидный“ французскій критикъ, мнѣніе котораго по этому предмету служитъ отголоскомъ мнѣнія большинства, прямо высказалъ, что воспитаніе, подобное тому, которое Джемсъ Милль далъ своему сыну, неминуемо должно было довести до идиотизма всякую другую, менѣе счастливо одаренную натуру. Самъ Милль, однако, былъ на этотъ счетъ какъ разъ противоположнаго мнѣнія. Если онъ, оглядываясь назадъ и видѣлъ въ воспитательной системѣ своего отца нѣкоторыя промахи, то такими промахами онъ считалъ чрезмѣрную строгость, исключавшую возможность нѣжныхъ душевныхъ отношеній между отцомъ и сыномъ, а также перевѣсъ, даваемый развитію разсудочной стороны въ ущербъ чувству съ одной стороны, и способности къ энергичному внѣшнему дѣйствію съ другой стороны. Что же касается обширной и разно-

сторонней учебной программы, требованіямъ которой онъ долженъ былъ удовлетворять въ такіе годы, когда для другихъ дѣтей едва настаетъ пора сколько нибудь серьезнаго ученія, то онъ относительно этой стороны своего воспитанія приходитъ къ заключенію какъ разъ противоположному тому, на которомъ останавливалась критика, подтверждавшая этимъ примѣромъ вредъ многоученья вообще. „Въ нашъ вѣкъ, говоритъ онъ, когда воспитаніе и усовершенствованіе его методовъ составляютъ предметъ *болѣе усиленнаго, если и не болѣе основательнаго изученія*, чѣмъ во всѣ предыдущіе періоды англійской исторіи, полезно сохранить память о воспитаніи, которое, *каковы бы ни были всѣ прочіе его результаты, доказало, что можно преподавать ребенку, и основательно преподавать, гораздо большее количество знаній, чѣмъ считаютъ возможнымъ въ тѣ ранніе годы, которые при обычныхъ теоріяхъ воспитанія пропадаютъ даромъ*“. Такимъ образомъ самъ Милль, такъ же какъ и большая часть критиковъ, разбиравшихъ его автобіографію, находитъ опытъ своего собственнаго воспитанія поучительнымъ, какъ наглядное доказательство несостоятельности существующихъ системъ школьнаго образованія; но та точка зрѣнія, съ которой онъ порицаетъ эти системы, діаметрально противоположна общепринятой. Обыкновенно, какъ между противниками, такъ и между защитниками существующихъ системъ образованія считается дѣломъ само собою разумѣющимся, что существующее *statu quo* олицетворяетъ собою то, что мы выше называли многоученьемъ. Споръ идетъ лишь о томъ, слѣдуетъ ли сохранить это многоученье и даже нѣсколько усилить его въ томъ направленіи, которое установлено традиціями, унаслѣдованными еще отъ среднихъ вѣковъ, или же слѣдуетъ замѣнить существующіе приемы и программы болѣе легкими и приспособленными къ неокрѣпшимъ силамъ дѣтскаго ума. Между тѣмъ, какъ консерваторы школьнаго вопроса энергично отстаиваютъ первое положеніе и на всѣ лады сіяются доказать, что стремленія прогрессистовъ неизбѣжнымъ своимъ послѣдствіемъ будутъ

имѣть пониженіе уровня образованія, люди прогрессивнаго направленія опираются главнымъ образомъ на непосильность того бремени, которое возлагается на дѣтскую физическую и умственную природу требованіями существующихъ системъ. При постановкѣ спора самый вопросъ о томъ, совмѣстимо ли сохраненіе и повышеніе существующаго уровня образованія съ законами развитія дѣтской природы и съ остальными требованіями, которыми разумно поставленное воспитаніе не можетъ поступаться ради однихъ только учебныхъ и образовательныхъ цѣлей,—самый вопросъ этотъ остается открытымъ. Правда, со стороны представителей прогрессивнаго направленія не было недостатка въ попыткахъ доказать, что господствующее направленіе, надрывая дѣтскія силы и не давая имъ соотвѣтствующаго ихъ природѣ матеріала для упражненія, притупляетъ, а не развиваетъ умъ и, такимъ образомъ, не достигаетъ той цѣли, которою оправдываетъ свои притязанія. Но доводъ этотъ въ концѣ концовъ лишь доказываетъ несостоятельность защитниковъ существующаго направленія передъ тою задачею, которую они сами себѣ поставили; изъ него еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы эта же задача могла быть разрѣшена полнѣе и удовлетворительнѣе тѣми измѣненіями существующихъ системъ, которыя въ ходячемъ представленіи большинства отождествляются съ прогрессивнымъ направленіемъ. Напротивъ, мы видимъ, что большинство тѣхъ перемѣнъ, которыя предлагаются въ теоріи или вводятся на практикѣ съ цѣлью приспособить къ требованіямъ современности типъ образованія, унаслѣдованный западною Европою отъ среднихъ вѣковъ и считающійся многими за идеаль, даже для странъ, несвязанныхъ подобнымъ историческимъ прошлымъ,—мы видимъ, что большинство этихъ перемѣнъ не идетъ далѣе облегченій въ методахъ и сокращеній въ программахъ. Облегченія, даже тамъ, гдѣ они дѣйствительныя, а не воображаемыя только, и гдѣ они не сводятся на простую замѣну крутыхъ пріемовъ, отуплявшихъ бременами тяжелыми и неудобноносимыми, болѣе мягкими пріемами, отупляющими